

УДК 821.111 ≈ 82-94

**ОБРАЗ РОССИИ В «ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ» СОМЕРСЕТА МОЭМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

© 2015 г.

А.Д. Савенкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

savenann@mail.ru

Поступила в редакцию 01.07.2014

Анализируется образ России, представленный в «Записных книжках» С. Моэма, в аспекте проблемы англо-русских культурных связей. Анализ показывает важность данного произведения в плане дальнейшего развития кросс-культурных коммуникаций Англии и России.

Ключевые слова: образ России, публицистика Сомерсета Моэма, кросс-культурная коммуникация, англо-русские культурные связи.

В настоящее время в сравнительном литературоведении активно разрабатывается понятие кросс-культурной коммуникации [1, 2]. Этот научный концепт как нельзя лучше характеризует именно акт погружения писателя в другую культурную среду, а не только сбора информации о стране извне, экспликацию набора знаний и стереотипов о ней. Важной в этом плане представляется мысль Н.П. Михальской о возникновении такого раздела гуманитаристики, как «имагология», которая изучает «восприятие и воплощение в литературных произведениях представлений об иной стране, её народе, особенностях национального характера» [3, с. 11].

Каждый народ имеет свой набор устойчивых представлений об окружающем мире. Эти стереотипы составляют основу культурно обусловленных знаний этноса о других народах, живущих на земном шаре. Представления о другой стране, сложившиеся в общественном и литературном сознании, меняются, трансформируются в результате более глубокого освоения образа жизни другой страны, в процессе развертывающегося диалога культур, литературных контактов, типологических связей и взаимодействий. Огромную роль в этом процессе играют писатели, чьи произведения во многом способствуют формированию определенного образа «другого» – другой страны, другой культуры, других традиций, пропущенного через призму своих идейно-художественных предпочтений.

Коммуникативный опыт авторов отражает в произведениях как образ народа, которому они посвящены, так и образ народа, в среде которого они были созданы. В исследовании образа «другого» важен не только объект, но и субъект. В произведениях содержатся оценочные суждения с большей или меньшей долей тен-

денциозности. Таким образом, мы получаем представление и об авторском восприятии данной страны и её народа, и о системе норм и приоритетов, в которой живут авторы и их читатели.

В настоящей работе анализируются публицистические произведения выдающегося английского писателя У.С. Моэма, посвященные России, через призму теории кросс-культурной коммуникации и истории англо-русских культурных связей. Предметом исследования являются фрагменты «Записных книжек» писателя, датированные 1917 г.

Образ России 1917 г. в «Записных книжках» У.С. Моэма разносторонен и неоднозначен. Известно, что У.С. Моэм прибыл в Россию непосредственно накануне Октябрьской революции 1917 года в качестве агента британской разведывательной службы МИ-5 с секретной миссией. Именно поэтому важны подробности пребывания У.С. Моэма в России в силу ряда причин оставались неизвестными более полувека, и только в 70-е – начале 80-х гг. XX в. были открыты цели и задачи этой миссии – помочь Временному правительству удержаться у власти, чтобы не допустить выхода России из Первой мировой войны.

У.С. Моэм не был праздным наблюдателем, он был активным (пусть и секретным) участником событий: в частности, находясь в Петрограде с августа по ноябрь 1917 года, он неоднократно встречался с Александром Керенским, Борисом Савинковым и другими политическими деятелями. Это не могло не повлиять на отбор материала и сам характер изложения. Так, большое место в «Записных книжках» писатель уделяет рассказу о политической ситуации в нашей стране. Весьма интересны, например, его наблюдения о съезде демократической партии в

Александровском театре в Петербурге. Вот как он описывает присутствующих: «В целом они [делегаты] производят впечатление не выродков, а просто не развитых и отсталых людей: у них невежественные грубые лица, пустой взгляд, в котором читается ограниченность, упрямство и неотесанность, и, несмотря на то что некоторые в сюртуках и накрахмаленных воротничках, а другие в форме, в них чувствуется крестьянская медлительность» [4, с. 4].

Из всех, кто принял участие в съезде, Моэм выделяет лишь Керенского: «Единственный оратор, по-настоящему вызвавший энтузиазм на митинге, был Керенский» [4, с. 16] Чем же он привлек писателя? Моэм не увидел в Керенском могущественного и сильного политика с наполеоновскими планами, каким его изображали многие: «В нем совершенно не чувствуется силы» [4, с. 15] («I was puzzled, for strength is the one thing he obviously has not» [5, p. 168]); «В итоге он произвел на меня впечатление человека на пределе сил» [4, с. 15] («He seemed broken by the burden of power» [5, p. 168]).

Тогда что же помогло ему прийти к власти? Он апеллировал к сердцу, а не к разуму. «Его единственная сила, казалось, заключалась в серьезности и объективности» [4, p. 15] («His only power seemed to be his seriousness and his disinterestedness» [5, p. 169]). Моэм увидел в нем «бескорыстное желание послужить не столько отчизне, сколько согражданам». (He was filled with a very pure enthusiasm to serve not so much to his country as his fellow countrymen» [5, p. 173], – писал У.С. Моэм в «Записных книжках».)

Моэм часто иронизирует, и данная черта является не только индивидуальным качеством писателя, но и характерна для многих представителей английской литературы, это неотделимая часть английского менталитета. В Англии насчитывается огромное количество писателей-сатириков. Например, Ч. Диккенс, У.М. Теккерей, О. Уайльд, Б. Шоу.

С позиций теории кросс-культурной коммуникации в писательской публицистике важен не только предмет изображения, но и его субъект. В данном случае мы видим, как Моэм демонстрирует ироничное отношение не столько к особенностям политической ситуации, в которую он был вовлечен, сколько к самому себе, говоря, что миссия его была неблагодарной и заведомо обреченной, сам он – никудышным «миссионером», а Керенский и компания – партнерами и того хуже. Потерпев фиаско, Моэм уехал из Петрограда за 48 часов до падения Временного правительства. Закончить описание миссии Моэма, осуществлявшейся в рам-

ках широко спланированной операции «Россия», можно словами одного из ее участников: «Сейчас все это имеет лишь исторический интерес» [4, с. 4].

Тем не менее на страницах «Записных книжек» У.С. Моэм оставил ряд интересных наблюдений о России. Можно отметить несколько «культурных тем» в анализируемом тексте.

Прежде всего, это тема извечно загадочного для Запада феномена «русского человека», «русской души»: «Они [русские] ощущают себя не такими, как другие, и кичатся этим отличием. Самодовольно рассуждая о темноте своих крестьян, они хвастаются своей сложностью и загадочностью, говоря, что один глаз у них обращен на Запад, а другой – на Восток, они кичатся своими недостатками, наподобие тех невежд, которые твердят, что такими их создал Господь. Ничего не поделаешь, и самодовольно признаются в собственном невежестве и пьянстве, отсутствии ясной цели и нерешительности в поступках, но такого сложного чувства, как патриотизм, они, кажется, лишены» [4, с. 4].

В этой цитате находят отражение устойчивые стереотипы образа русских в глазах Запада – «невежество», «пьянство», «нерешительность в поступках». Удивительно также, как всего за несколько дней пребывания У.С. Моэм смог сделать столь категоричный вывод, что у русских отсутствует «такое сложное чувство, как патриотизм». Нетрудно увидеть здесь определенную установку на примитивизацию и даже вульгаризацию образа человека чужой культуры с высоты просвещенного человека Запада. Возможно, это связано с чисто утилитарной политической задачей писателя, прибывшего в чужую страну с некой «секретной миссией», а вовсе не в целях ее доброжелательного и вдумчивого изучения; но, возможно, и с тем, что понятие «патриотизм» для самого писателя было довольно сложным (в связи с его равноценной любовью к Англии и Франции), что вновь говорит, скорее, о позиции самого изображающего субъекта, а не только о предмете изображения.

Еще одна «культурная тема» «Записных книжек» – это русская культура, прежде всего великая русская литература. Писатель демонстрирует так называемый «литературоцентрический подход» к анализу изображаемого: он убежден, что «только благодаря чтению книг можно получить наиболее полное представление об иностранцах». Интерес к русской литературе возник у писателя за много лет до поездки в Россию в 1917 году. Моэм большое внимание уделяет русскому искусству и литературе,

обращаясь к творчеству Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. «Отношение Моэма к русской классике, – писал В. Скороденко, – определялось одним словом: преклонение» [6, с. 7]. И с этими словами трудно не согласиться, прочитав хотя бы одно из многочисленных высказываний самого Моэма: *«Интерес к России у меня возник по тем же причинам, что и у большинства моих современников. Одной из них, естественно, была русская литература... Рядом с ней самые великие романы Западной Европы казались надуманными»* [4, с. 3].

Для каждого из авторов он находит свои слова. Так, например, имя Чехова в «Записных книжках» встречается не так часто. Но именно о нем Моэм напишет: *«В Чехове я нашел душу, во многом близкую мне. Я чувствовал, что только у Чехова можно найти ключ к пониманию этой загадочной России... Никто не умеет так четко, как он, передать ощущение места, тональность пейзажа, разговора человека. И делает это Чехов очень просто, без глубокомысленных рассуждений и подробных картин, – одним только точным изложением фактов»* [7, с. 318]. Подтверждение и продолжение этой мысли мы находим в «Записных книжках»: *«Чехов обладает душевным волнением и умеет так передать его, что это волнение находит у вас отклик, и вы становитесь его соавтором»* [4, с. 5].

«Литературоцентричность» Моэма в оценках чужой культуры проявляется и в том, что часто в «Записных книжках» русская литература и русская жизнь выступают как синонимы. Примером этого могут служить высказывания писателя о «грехе» и Ф.М. Достоевском: *«Нельзя совершить экскурс в русскую литературу или в русскую жизнь и не заметить, какое огромное место занимает там острое чувство греха. Русский не только постоянно говорит, что он грешен, но, безусловно, чувствует это и страдает от угрызений совести. Они (русские) более склонны к самоанализу и обладают более острым чувством греховности»* [7, с. 318]. Без сомнения, к этому выводу Моэма привели произведения Достоевского.

Но не совсем верно было бы делать выводы о религиозности нации, обращаясь к творчеству человека, «в основе всей жизни которого были его религиозные искания» [8, с. 114]. Может быть, поэтому в «Записных книжках» Моэма мы встречаем совершенно иную характеристику русских людей, также, впрочем, навеянную творчеством Достоевского, – это представление о полярности русской души, о внутренней противоречивости русского национального характера: *«Они (русские) ленивы и не имеют перед*

собой ясной цели, слишком много говорят, плохо владеют собой и потому выражают свои чувства более пылко, чем они того заслуживают, но в целом добры и не злопамятны; они великодушны, терпимы к недостаткам других; общительны, вспыльчивы, но отходчивы» [4, с. 4].

Явно литературоцентричен и подход У.С. Моэма к характеристике русских женщин: *«Все, кто жил в России, бывали поражены тем, как агрессивны женщины по отношению к мужчинам. Кажется, им доставляет чувственное удовольствие унижать их перед другими»* [4, с. 6]. И сразу снова возникает литературная параллель – на сей раз с творчеством И.С. Тургенева: *«Героини И.С. Тургенева умны, энергичны и предприимчивы, в то время как герои – безвольные мечтатели, не способные к действию. Это характерная черта русской литературы, и я полагаю, что она исходит из глубины русского характера»* [4, с. 6].

Русской литературой навеян также и следующий стереотип восприятия русских как людей, которые живут исключительно чувствами: *«...у русских чувства полностью захватывают личность и поработают ее. Они как золотая арфа, на которой сотня ветров наигрывает сотню мелодий, так что кажется, что инструмент невообразимо сложен»* [4, с. 4].

Другой поворот этой темы, который идет, по мнению Моэма, от русской национальной традиции, – это особая значимость темы любви в русской культуре: *«... в любви лежит тайна мироздания»*. Однако и эта тема трактуется У.С. Моэмом крайне своеобразно. Любви «духовной» русские противопоставляют, по мнению Моэма, страсть. *«Но и то и другое не более чем чувства, – утверждает писатель, – любовь активна и, будучи этим, сродни страсти, не может быть ей противопоставлена в качестве альтернативного ответа на загадку бытия»* [4, с. 7]. И далее, словно следуя за Ф.М. Достоевским, Моэм подмечает: *«Для некоторых эта идея согласовывалась с верой, от которой они никогда не отказывались, другим она возвращала веру, от которой они отказались умом, но не сердцем»* [4, с. 7].

Взгляд на Россию через призму русской литературы вообще характерен для «Записных книжек». На страницах этого произведения мы находим описание Невского проспекта в Петербурге: *«Эта грязная, унылая и запущенная улица, очень широкая и прямая... Густая толпа постоянно течет туда и обратно. Наблюдатель может увидеть здесь великое множество типов: солдат, моряков, студентов, рабочих, буржуа и крестьян»* [4, с. 5]. Мы видим довольно привычную картину, черты которой

вполне узнаваемы у Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и других русских классиков. Характерно и заключение писателя, прямо отсылающее к текстам русских писателей: «Здесь (на Невском проспекте) нет однородности, обычно свойственной толпе в других странах; как будто душевные страсти более ясно написаны на их лицах, и эти лица не маски, а некий каталог, и, идя по Невскому, можно увидеть целую галерею персонажей великих русских романов и назвать одно за другим их имена» [4, с. 4].

В целом мы можем утверждать, что изучение «русской темы» в публицистике Моэма необходимо вовсе не для выявления сомнительных и порою просто неверных суждений автора. Ошибки Моэма поучительны, и даже негативный опыт такого художника имеет несомненную познавательную ценность. В произведениях Моэма виден серьезный подход к жизни; он задавался вопросами, требующими от читателя встречной работы мысли. Всякий раз он остается верен себе; он увлекателен во всех жанрах.

Отмечая творческие достоинства писателя (талант рассказчика, верное изображение жизненных явлений, зримые образы героев), уместно отметить, что в погоне за «эффектом» он нередко жертвует жизненной правдой. Это замечание относится и к «Записным книжкам писателя».

Книги Моэма, в частности «Записные книжки», и личность автора вызывали и вызывают разное отношение, но только не равнодушие. Диалог, который автор ведет с читателем, всегда интересен – прежде всего тем, что позволяет нам увидеть и нашу культуру как бы со стороны, глазами объективного наблюдателя. Все это, несомненно, пробуждает мысль, которая рождается в противоречивом движении и сопоставлении разных суждений, оценок и точек зрения.

С точки зрения теории кросс-культурной коммуникации анализ материала приводит к следующим выводам. Представленный в «Записных книжках» тип коммуникации можно охарактеризовать как массовый, так как в своих суждениях Моэм опирается не столько на увиденное своими глазами, сколько на образы, заранее сформированные им посредством чтения русской классической литературы, а также на расхожие стереотипы восприятия русской культуры на Западе.

Говоря о кросс-культурной компетенции Сомерсета Моэма, можно сказать, что автор имел определенные навыки общения с представителями различных культур: известно, что Сомерсет Моэм посетил огромное количество стран и сталкивался практически со всеми видами и типами культур мира. В частности, в его произведении «Записные книжки» описаны не только путешествие по Транссибирской магистрали, но и родная Англия, не менее родная Франция и любимый Дальний Восток, Малайзия и Америка. Согласно понятийному аппарату кросс-культурной коммуникации, Сомерсет Моэм является межкультурно компетентной личностью.

В целом можно сказать, что, несмотря на то что в «Записных книжках» много противоречий и порой резких суждений, это произведение является источником важнейших сведений о совокупном образе России в переломную для нашей страны эпоху, который воссоздан представителем западного мира. «Записные книжки» У.С. Моэма, безусловно, повлияли на дальнейшее развитие кросс-культурных коммуникаций Англии и России.

Список литературы

1. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. // New York: Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. № 3. P. 137–149.
2. Condon J., Fathi Y. An Introduction to Intercultural Communication. New York: Macmillan, 1975. 150 p.
3. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: МПГУ, 1995. 257 с.
4. Моэм У.С. Записные книжки 1917 года / Пер. с англ. Е.М. Нарышкиной // Литературное обозрение. 1999. № 4. С. 3–15.
5. Maugham W. Somerset. A Writers notebook. London, 1954. P. 475.
6. Скороденко В. Предисловие // Моэм С. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. Романы. Пер. с англ. / Составл. и предисл. В. Скороденко. М., 1985. С. 7–25.
7. Моэм У.С. Искусство слова: О себе и других. Лит. очерки и портреты. М.: Худож. лит., 1989. 400 с.
8. Зеньковский В.В. Ф.М. Достоевский. Владимир Соловьев. Н.А. Бердяев // Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М., 1997. С. 114–137.

THE IMAGE OF RUSSIA IN «A WRITER'S NOTEBOOK» BY SOMERSET MAUGHAM THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

A.D. Savenkova

The paper examines the image of Russia in «A Writer's Notebook» by Somerset Maugham from the perspective of the Anglo-Russian cultural relations. The analysis shows the importance of this work in terms of the further development of cross-cultural communications between England and Russia.

Keywords: image of Russia, Somerset Maugham, cross-cultural communication, Anglo-Russian cultural relations.

References

1. Trager G., Hall E. Culture as Communication: A Model and Analysis. // New York: Explorations: Studies in Culture and Communication. 1954. № 3. P. 137–149.
2. Condon J., Fathi Y. An Introduction to Intercultural Communication. New York: Macmillian, 1975. 150 p.
3. Mihal'skaya N.P. Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX–XIX vv. M.: MPGU, 1995. 257 s.
4. Moehm U.S. Zapisnye knizhki 1917 goda / Per. s angl. E.M. Naryshkinoj // Literaturnoe obozrenie. 1999. № 4. S. 3–15.
5. Maugham W. Somerset. A Writers notebook. London, 1954. R. 475.
6. Skorodenko V. Predislovie // Moehm S. Izbrannye proizvedeniya. V 2 t. T. I. Romany. Per. s angl. / Sostavl. i predisl. V. Skorodenko. M., 1985. S. 7–25.
7. Moehm U.S. Iskusstvo slova: O sebe i drugih. Lit. ocherki i portrety. M.: Hudozh. lit., 1989. 400 s.
8. Zen'kovskij V.V. F.M. Dostoevskij. Vladimir Solov'ev. N.A. Berdyaev // Russkie mysliteli i Evropa. Kritika evropejskoj kul'tury u russkih myslitelej. M., 1997. S. 114–137